

Святой великий князь Владимир,
во святом крещении Василий, Мономах.

Память

19 мая/1 июня

15/28 июля

Святой князь Владимир родился в 1053(1054) году в семье киевского великого князя Всеволода Ярославича. Был внуком святого великого князя Ярослава-Георгия Мудрого. При крещении Владимира назвали в честь святителя Василия Великого. Свое прозвание Мономах он получил благодаря своей матери, которая была родственницей византийского императора Константина IX Мономаха.

Начиная с 13 лет отец назначал Владимира наместником на разные княжеские столы: Ростов, Владимир-Волынский, Туров, Смоленск и в свои 25 лет – Чернигов. А по кончине своего отца с 1093 года стал самостоятельно княжить в Чернигове.. В 20 лет женился на Гид(т)е, дочери англо-саксонского короля Гарольда II.

В ходе межкняжеских войн за Владимиром Всеволодовичем закрепились также Переяславль Русский и Ростов. А затем Смоленск и Новгород Великий, который был доверен его старшему сыну, благоверному святому князю Мстиславу.

Святой Владимир-Василий совершил четыре похода на половцев. Они были удачны, в итоге опасность с юга была устранена на полвека. В ряды воинов он *пристави попы своя*, тем самым указывая, что борьба с половцами была и за веру христианскую.

Примерно в 1108 году святой Владимир построил крепость на реке Клязьме в северных краях. Ныне это всемирно известный город Владимир.

В 1113 году святой князь сел на княжение в Киеве, которое началось с наведением порядка в стольном граде, где творились волнения и беспорядки, вызванные притеснениями почившего великого князя Святополка, его финансовым гнетом, особенно ростовщичеством. И новый князь киевский ввел новые закон, отраженные в *Уставе Володимера Всеволодича* в составе свода законов, известных как *Русская Правда*.

К этому времени Владимир-Василий женился дважды по смерти первой своей жены из рода новых ромеев. Старший из сыновей святой Мстислав Владимирович Великий (в святом крещении – Феодор; но в западной Европе более известный как *Гаральд*, названный так в честь своего деда Гарольда II Годвинсона, последнего англосаксонского короля Англии). И, возможно, также от первого брака рожден был и Юрий Долгорукий (хотя есть мнение, что он рожден от второй жены святого Владимира – гречанки по происхождению). Третьей супругой Мономаха была дочь половецкого хана (бездетен был их союз).

Став великим князем Киевским святой Владимир расширил и укрепил границы Руси. Именно в это время было торжественное перенесение мощей благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба.

От детских лет святой Владимир был богобоязненным. И было это связано не только с его набожностью, но и с теми чудесами, которые случились с ним. Он был свидетелем огненного знамения – огненного столба при постройке Успенского собора Киево-Печерской Лавры. Будучи однажды болен, он получил исцеление через золотой пояс преподобного Шимона варяга (этот пояс был мерным при строительстве Собора; Шимон – так звучит на иврите имя Симон; видимо, варяг принял крещение, будучи мореплавателем, от евереев-христиан в Средиземноморье; благодаря, кстати, именно этому варягу была внесены огромные пожертвования в строительство Успенского собора). Также чудесное исцеление Мономах получил, будучи князем

Чернигова, по молитве известно преподобного отца Агапита-врача в той же Лавре.

Владимир Всеволодович известен как щедрый храмоздатель. Его попечением построены собор в Ростове, Предтеченская церковь в Киеве, Борисоглебская церковь на Альте под Переяславом Русским (ныне – Переяслав-Хмельницкий), Успения Пресвятой Богородицы в Смоленске, куда передал семейную реликвию – икону Божией Матери *Одигитрию*. Наконец, в 1115 году вероятно именно он построил церковь Спаса на Берестове под Киевом.

Святой Владимир Мономах умер 19 мая/1 июня 1125 года близ Переяславля Русского в Борисоглебской церкви. Был погребен в Киевском Софийском соборе рядом со своим отцом. На начало 21 века погребения были утрачены.

Поминается Владимир-Василий и в сонме Киевских святых (15/28 июля).

Память по себе оставил выдающимися посланиями.

ПОУЧЕНИЕ

Владимира Мономаха

(перевод Д.С.Лихачева)

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспешите к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим наслаются миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его.

Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и займы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо погряз меня человек; всякий день нападаая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: “Если есть награда праведнику, значит есть Бог, творящий суд на земле”». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуместь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, — говорит Господь. — Если будут грехи ваши как обгащенные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветков покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: “Слава тебе, Человеколюбец!”»

Поистине, дети мои, разумеите, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», — и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим

промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и, имея язык, немеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня: если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможет, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все

мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охоте с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал, вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили.

И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятчскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии, и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восьмью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусову со Святополком, и Бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших. И мир заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двух сот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь

вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого.

ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолевашь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьбою, не покаившись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устранившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумению так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаанием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что

такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распутившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мной». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым посланцем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и власть получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

ПОУЧЕНЬЕ

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, *нареченый* въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ,^[1] отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы... и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ! Сѣдя на санехъ,^[2] помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто,^[3] слышавъ сию грамотицю, не посмѣйтеся, но *емуже любя* дѣтий моихъ, а приметь е в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Первое, Бога дѣля и душа своя, страхъ имѣйте Божий въ сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моя^[4] на Волзѣ, рѣша: «Потѣснися к нам, да выженемъ Ростиславича^[5] и волость ихъ отъгнемъ; оже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и *гнѣваете*, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?»^[6] и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написахъ. Аще вы послѣдняя не любя, а передняя принимайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? *Уповай* на Бога, яко исповѣмся ему».^[7] «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же Господа, — ти обладаютъ землею».^[8] И еще мало: «И не будетъ грѣшника; всищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротции же наслѣдятъ землю, наслаждаться на множествѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчетъ на нь зубы своими; Господь же посмѣется ему и прозритъ, яко придетъ день его.

Оружья извлекоса грѣшници, напряже лукъ свой истрѣлати нища и убога, заклати правыя сердцемъ. Оружье ихъ внидеть в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушится, утверждаетъ же праведныя Господь. Яко се грѣшници погыбнут; праведныя же милуя и даетъ. Яко благословящии его наслѣдятъ землю, кленущии же его потребятся. От Господа стопы челоуѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбѣтеться, яко Господь подѣмлетъ руку его. Унѣ бѣхъ, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуетъ и в заимъ даетъ праведный, и племя его благословлено будетъ. Уклонися отъ зла, створи добро, визици мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка».[9]

«Внегда стати челоуѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».[10]

«Помилуй мя, Боже, яко попра мя челоуѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющиися со мною свыше».[11] «Возвеселится праведник, и егда видить мечь; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо челоуѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли».[12] «Изми мя отъ врагъ моихъ, Боже, и отъ встающихъ на мя отыми мя. Избави мя отъ творящихъ безаконье, и отъ мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою».[13] «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость».[14] «Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. Тако благословю тя в животѣ моемъ, и о имени твоёмъ въздѣю руцѣ мои».[15]. «Покры мя отъ сонѣма лукаваго и отъ множества дѣлающихъ неправду».[16] «Възвеселитесь вси праведнии сердцемъ. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала его»,[17] и прочая.

Якоже бо Василий учаше,[18] собравъ ту уноша: душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово Господне: «Яди и питью бесъ плища велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имѣти; безъ лукавства бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, к женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легкихъ власти, ни в кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, отъ Бога мзды да чаеть и вѣчныхъ благъ насладитися». «О Владычице Богородице! Отыми отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего» в пустошнѣмъ семь жити.

Научися, вѣрный челоуѣче, быти *благочестию* дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу поработанье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ — не мсти, ненавидимъ — *люби*, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю. Придѣте, да сождемъся, глаголетъ Господь. Аще будутъ грѣси ваши яко оброшени, яко снѣгъ обѣлю я»,[19] и прочее. «Восияетъ весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ себе, братья, отъ всякой крови плотскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: “Слава тобѣ, Челоуѣколюбче!”»

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть челоуѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы челоуѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хоцемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣя и животомъ и смертию, согрѣшенья наша выше главы нашея терпитъ, и пакы и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бѣя, и пакы привлечь е к собѣ, тако же

и Господь нашъ показал ны естъ на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися.

А Бога дѣля не лѣнитися, молю вы ся, не забываете 3-х дѣль тѣхъ: не бо суть тяжька; ни одиночство, ни чернечство, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым дѣломъ удлучити милость Божью.

«Что естъ человѣкъ, яко помниши и?»^[20] «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человѣческъ не можетъ исповѣдати чюдес твоихъ»,^[21] и паки речемъ: «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли». ^[22] Иже кто не похвалитъ, ни прославляетъ силы твоя и твоих великих чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водах положена, Господи, твоимъ промыслом! Звѣрье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ помыслом, Господи! И сему чюду дивуемъ, како от персти создавъ человѣка, како образи разноличнии въ человѣчскихъ лицах, — аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом, по Божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идут,^[23] и первѣе въ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идут по всѣмъ землямъ Божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля. Все же то даль Богъ на угодые человѣкомъ, на снѣдъ, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на нас, иже та угодыя створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи; егда повелиши, то вспоютъ и человѣкы веселятъ тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. «А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!»,^[24] всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ. «Да иже не хвалитъ тебе, Господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ». ^[25]

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите Бога, давшаго нам милость свою: а се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: аще не всего примете, то половину.

Аще вы Богъ умякчитъ сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: «Якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловаль еси, тако и нас, грѣшныхъ, помилуй!» И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды. А того не забываете, не лѣнитися, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человекъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо естъ молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

Всего же паче убогихъ не забываете, но елико могуще по силѣ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не *погубляйте* никакаяже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитися Богомъ, ни хреститися, нѣту бо ти нужна никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к брати или г кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавшие блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от нихъ благословенье,^[26] и не устраняйтесь от нихъ, и по силѣ любите и набдите, да

приимете от них молитву... от Бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробѣ; се все, *что ны* еси вдалѣ, не наше, то твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам *ни* дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже ляжите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не разглядавшѣ лѣнощами, внезапно бо человекъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти вас начнутъ. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или соль; аще не можете даромъ — брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человекъ по всѣмъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы. И человекъ не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ Божий имѣйте выше всего.

Аще забываете *сега*, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ бе-соромъ, и вамъ будетъ добро.

Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ,^[27] в томъ бо честь есть от инѣхъ земля. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отецъ мой дѣяшетъ блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутреннюю отдавшѣ Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящую, и узрѣвшѣ солнце, и прославити Бога с радостью и рече: «Просвѣти очи *мои*,^[28] Христе Боже, *иже* далъ ми еси свѣтъ твой красный!» И еще: «Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявъся, оправдивъ животь», тако похваляю Бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от Бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птици и человекъ.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ,^[29] посла мя отецъ, а самъ иде Курьску; и паки 2-е к Смолиньску со Ставкомъ с *Гордятичемъ*^[30] той паки и отъиде к Берестию^[31] со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю.^[32] Тое же зимы той посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху *ляхове* пожгли, той ту блюдѣ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю,^[33] а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску^[34] мира творить с ляхы. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса^[35], ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородское^[36]. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову^[37].

И Святославъ умре,^[38] и язъ паки Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь^[39]. А на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ, а

на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ, — *ожьгъше* Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ,[\[40\]](#) воюя, та Чернигову. И паки и-Смолинська къ отцю приходх Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах и к собѣ на обѣдъ со отцемъ в Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ,[\[41\]](#) и вдахъ отцю 300 гривен золота. И паки и-Смолинська же пришедъ, и проидох сквозѣ половечьскыи вои, бъяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и паки ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битъся Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга[\[42\]](#). И паки идохом Переяславлю, и стахом во Обровѣ.[\[43\]](#)

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолинскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска,[\[44\]](#) та на Дрюютьскѣ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саука,[\[45\]](#) и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городом[\[46\]](#) разгнахомъ силны вои Белкаттина,[\[47\]](#) а семечи и полонъ весь отяхом.[\[48\]](#)

А въ Вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту[\[49\]](#) и на сына его, и ко Корьдну,[\[50\]](#) ходихъ 1-ю зиму. И паки по Изяславичихъ[\[51\]](#) за Микулинъ,[\[52\]](#) и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды.[\[53\]](#)

Том же лѣтѣ гонихом по половьцихъ за Хороль,[\[54\]](#) иже Горошинъ[\[55\]](#) взяша.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣвичи, к Мѣнску: изѣбахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой.[\[56\]](#) И ѣдучи к Прилуку[\[57\]](#) городу, и срѣтоша ны внезапно половечьскыи князи, 8 тысячъ, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; толко семцю яша одного живого,[\[58\]](#) ти смердъ нѣколько, а наши онѣхъ боле избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи,[\[59\]](#) и Богъ ны поможе и святая Богородица: *избихом* 900 половець, и два князя *яхом*, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомъ на Святославль[\[60\]](#) гонихом по половцих, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ[\[61\]](#) по половцих. И паки на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомъ с Ростиславом[\[62\]](#) же у Варина[\[63\]](#) вежѣ взяхом. И потомъ ходивъ Володимерю,[\[64\]](#) паки Ярополка посади, и Ярополкъ умре.[\[65\]](#)

И паки по отни смерти[\[66\]](#) и *при* Святополцѣ, на *Стугнѣ* бившеся съ половци до вечера, *бихом* — у Халѣпа,[\[67\]](#) и потомъ миръ створихом с Туторканомъ и со инѣми князи половечьскыи; и у *Гльбовы* чади[\[68\]](#) пояхом дружину свою всю.

И потомъ Олегъ на мя приде с Половчьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дний о малу *греблю*, и не владуче *внити* имъ въ острогъ; *сѣжаливѣси* хрестьяныхъ душъ и сель горящихъ и монастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!» И вдахъ брату отца *его* мѣсто, а самъ идох на отця своего мѣсто

Переяславлю. И *выидохом* на святаго Бориса день[69] ис Чернигова, и ѣхдохом сквозѣ полкы половчскыи, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизхутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горѣ, Богъ и святий Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохом Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ,[70] и Богъ ны поможе — *избихом* я, а другия *поимахом*.

И паки Итлареву чадѣ избиша, и вежи ихъ взяхом шедше за Голтавомъ[71].

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бѣше приложилъ к полоцем. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолинску идохом, с Давыдомъ смирившеся. Паки идохом другое с Вороницѣ[72].

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.

И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смоленску. И-Смоленска идох Ростову.

И паки с Святополком гонихом по Боняцѣ, но ли оли... убиша,[73] и не постигохом ихъ. И потом по Боняцѣ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смоленску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидох; и Гюргева мати умре.[74]

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятиню,[75] идохом за не ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изымахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ *Аепю*, и поимъ у него дочеръ, идохом Смоленску. И потом идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на *Урусобу*[76] с Святополком, и Богъ ны поможе.

И потом паки на Боняка к Лубьну, и Богъ ны поможе.

И потом ходихом к *Воиню*[77] с Святополком; и потом паки на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и Богъ ны поможе.

И к Выреви[78] бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и, ко Ромну[79] идох со Олгомъ и з дѣтми на нь, и они, *очутивше*, бѣжаша.

И потом к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бѣше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихом свое мышленное.

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця,[80] не терпяче злобъ его.

А и-Щернигова до Кыева *нестишьды* ѳздих ко отцю, днемъ есмь переѳздилъ до вечерни. А всѳх путей 80 и 3 великих,^[81] а прока не испомню менших. И мировъ есмь створилъ с половечьскими князи безъ одиного 20, и при отци и кромѳ отца, а дая скота много и многы порты своѳ. И пустилъ есмь половечских князь лѳпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, *Осеня* братьѳ 4, а всѳх лѳпших князий инѳхъ 100. А самы князи Богъ живы в руцѳ дава: Коксусь с сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревьский князь Азгудуй,^[82] и инѳхъ кметий молодых 15, то тѳхъ живы ведъ, исѳкъ, вметах в ту рѳчку въ *Салню*. По чередам избьено не съ 200 в то время лѳпших.

А се тружахъся ловы дѳя: понеже сѳдох в Черниговѳ, а и-Щернигова вышед, и *до сего* лѳта по сту *уганивал* и имь даром всею силою кромѳ иного лова, кромѳ Турова, *идъже* со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѳрь.

А се в Черниговѳ дѳялъ есмь: конь диких своима руками связалъ есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кромѳ того же по *ровни* ѳздя ималъ есмь своима рукама тѳ же кони дикиѳ. Тура мя 2 метала на розѳх и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома боль, вебрь ми на бедрѳ мечь оттялъ, медвѳдь ми у колѳна подѳклада укусилъ, лютый звѳрь^[83] скочилъ ко мнѳ на бедра и конь со мною поверже. И Богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѳ и нозѳ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя гоовы своя.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѳла на войнѳ и на ловѳхъ, ночь и день, на зною и на зимѳ, не дая собѳ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи,^[84] сам творилъ, что было надобѳ, весь нарядъ, и в дому своемъ то я творилъ *есмь*. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѳх, и о соколѳхъ и о ястребѳх.

Тоже и худаго смерда и убогыѳ вдовицѳ не далъ есмь сильным обидѳти, и церковнаго наряда и службы сам есмь приизралъ.

Да не зазрите ми, дѳти мои, *ни* инъ кто, прочеть, не хвалю бо ся ни дерзости своя, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѳшнаго и худаго селико лѳт сблюд от тѳхъ часть смертныхъ, и не лѳнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѳла чловѳчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потѳснѳтесе на вся дѳла добрая, славяще Бога с святыми его. Смерти бо ся, дѳти, не боячи, ни рати, ни от звѳри, но мужьское дѳло творите, како вы Богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѳри и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелѳно. А иже от Бога будет смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но *аче* добро есть блюсти, Божие блюденье лѳплѳть есть чловѳчьскаго.

О многострастный^[85] и печалны азъ! Много борешися сердцемъ, и одолѳвши, душе, сердцю моему, зане, тлѳннѳ суци, помышляю, како стати пред страшным судьбою, каянья и смѳренья не приимшим межю собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложъ есть.^[86] И пакы: «Аще не отпустите прегрѳшений брату, ни вам отпустить Отець ваш небесный».^[87] Пророкъ глаголетъ: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящим безаконье».^[88] «Что есть добро и красно, *но еже жити* братья вкупѳ!»^[89] Но все

дьяволе наученье! то бо были рати при умных *дѣдѣх* наших, при добрых и при блаженныхъ отцихъ наших. Дьяволъ бо не *хочет* добра роду чловѣчскому, *сваживает* ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ *мой*, егоже еси хрстиль, иже то сѣдитъ близъ тебе, прислалъ ко мнѣ *мужь свой* и грамоту, река: «Ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А въ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си предъ Богомъ; а Русьскы земли не погубим». И азъ видѣх смѣренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряется — на Бога укладаетъ; азъ чловѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣх чловѣкъ.

Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромъ, ли с поруганьемъ, свое же узрю на твоём писаньи. Сими бо словесы варих тя переди, егоже почаяхъ от тебе, смѣреньем и покаяньем, хотя от Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ *оставления*. Господь бо нашъ не чловѣкъ есть, но Богъ всей *вселенъи*, иже хочеть, в мегновеньи ока вся створити хочеть, то сам претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть влася, животом владѣя и смертью. А мы что есмь, чловѣци грѣшни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и въ чти, а заутра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чим има *порты*? но токмо оже еста створила души *своей*. Но да сими словесы, пославше бяше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое^[90] пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи *въ* помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы».

И рещи бяше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣх мой предо мною есть воину»^[91]. Не крове дѣля пролиться, — помазаникъ Божий Давыдъ, прелюбодѣянье *створивъ*, посыпа главу свою и плакася горко; во тѣ час отда ему согрѣшенья его Богъ. А к Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ,^[92] зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых, обуимъ, оплакаль мужа ея и оны сватбы ею въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя! А Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым *словь*, да с нею кончавъ слезы, посажу на мѣстѣ, и сядет акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ.

Тѣм бо путем шли *дѣди* и отци *наши*: судъ от Бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створиль, и Муромъ налѣзль, а Ростова бы не заималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣль дѣтяти: «Слися къ отцю», *десятью* я есмь послалъ.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискивати было чюжего, — ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо *и* паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да *еже* начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни мѣстникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми Богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья *твоего*, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣх створиль, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и пакы е повѣдах, зане чловѣкъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмь... али ти лихо е, да то ти сѣдять сынъ твой хрестыный с малымъ братомъ своимъ,^[93] хлѣбъ ѣдучи дѣдень,^[94] а ты сѣдиши в своемъ^[95] — а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братыи и Русьскѣй земли. А егоже то и хоцеша насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и милосердуюча по тебѣ, очину твою. Али Богъ послух тому, с братомъ твоимъ рядилися есвѣ, а не поможетъ рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестыаном, а не буди ему от Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по Бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

На Страшнѣй при бе-суперникъ обличаюся. И прочее.^[96]

[1] *...нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ...* — Два имени — одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское» или «княжеское», — обычны в среде русских князей XI—XIII вв., а отчасти и позднее.

[2] *Стыдя на санех...* — Это образное выражение следует понимать как «в преклонных годах», «на краю смерти». Перевозка тела умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая.

[3] *...дѣти мои, или инъ кто...* — Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Почтение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение.

[4] *...братья моя...* — Здесь понимаются двоюродные братья Мономаха князя Святополк Изяславич и Святослав Давыдович (по прозвищу «Святоша»).

[5] *...Ростиславича...* — Рюрик Ростиславич, Володаръ Ростиславич Перемышльскый и Василько Ростиславич Тербовльскый.

[6] *«Вскую ...смуцаеши мя?»...* — Ср.: Пс. 41, 6, 12; 42, 5.

[7] *«Вскую печална еси, душе ...яко исповѣмся ему».* — Пс. 41, 6, 12; 42, 5.

[8] *«Не ревнуй лукавнующимъ... ти обладаютъ землею».* — Пс. 36, 1, 9.

[9] *«И не будетъ грѣшника... и живи в вѣкы вѣка».* — Пс. 36, 10—17. 19. 21—27.

[10] *«Внегда стати челоувкомъ... вода бы ны потопила».* — Пс. 123, 2, 3.

[11] *«Помилуй мя, Боже... борющаиися со мною свѣше».* — Пс. 55, 2—3.

[12] *«Возвеселится праведник... Богъ судяй земли».* — Пс. 57, 11 —12.

- [13] «Измый мя от врагъ... се уловиши душу мою». — Пс. 58, 2—4.
- [14] «И яко гнѣвъ... а завтра радость». — Пс. 29, 6.
- [15] «Яко лучьши милость твоя... въздѣю руцѣ мои». — Пс. 62, 4—5.
- [16] «Покры мя от соньма... дѣлающих неправду». — Пс. 63, 3.
- [17] «Възвеселитесь вси... воину хвала его»... — Пс. 31, 11; 33, 2.
- [18] Якоже бо Василий учаше... — Василий Великий (Кесарийский; ок. 330—379). «Поучения» Василия Великого были известны на Руси по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г.
- [19] «Избавите обидима... яко снѣгъ обѣлю я»... — Ис. 1, 17—18.
- [20] «Что есть человек, яко помниши ѱ?» — Пс. 8, 5.
- [21] «Велий еси, Господи... не можеть исповѣдати чудес твоихъ»... — Ср.: Пс. 47, 2.
- [22] «Велий еси, Господи... по всей земли». — Ср.: Пс. 94, 3; 95, 4.
- [23] ...како птица небесныя изъ ирѣя идут... — По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) — в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа.
- [24] «А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!»... — Пс. 118. 12.
- [25] «Да иже не хвалить тебе, Господи... да будетъ проклятъ». — Ср.: 1 Кор. 16, 22.
- [26] ...Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимаите от них благословенье... — Здесь текст, по-видимому, испорчен.
- [27] ...якоже бо отецъ мой, дома стѣдя, изумѣяше 5 языкъ... — Какие именно языки знал отец Мономаха — Всеволод Ярославич, — мнения расходятся. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков. Об этом помнили и этим восторгались в Европе ученые даже в XVI и XVII вв.
- [28] «Просвѣти очи мои...» — Пс. 12, 4.
- [29] Вятичи — жили по Оке и по Десне. Водный путь в Ростов лежал по Днепру и Верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятические леса, представлявшие в XI в. немалую опасность.
- [30] ...со Ставкомъ с Гордятичемъ... — Нигде в других случаях этот Ставко более в летописях не упоминается.
- [31] Берестье — ныне Брест.

- [32] *...идохъ Володимерю.* — Город Владимир-Волынский.
- [33] *...идохъ Переяславлю отцю...* — к отцу в Переяславль Южный (княжение отца Мономаха — Всеволода).
- [34] *Сутейск.* — Где был Сутейск — неясно. Урочищ со сходными названиями имеется несколько.
- [35] *...за Глоговы до Чешьскаго льса...* — Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор. Глогова — Глогув на р. Одере.
- [36] *...дѣтя... старѣйшее новгородское.* — Старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.
- [37] *...таже Турову.* — Туров был городом Владимира Мономаха; ныне небольшое местечко в Белоруссии.
- [38] *И Святославъ умре...* — Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г.
- [39] *...Глѣбови в помочь.* — В помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брючиславича Полоцкого весной 1077 г.
- [40] *...Одрѣвскѣ...* — Где был город Одреск — неясно.
- [41] *...на Краснѣмъ дворѣ...* — Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами.
- [42] *...и побѣдихомъ Бориса и Олга.* — Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича. Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом «с черниговцами».
- [43] *Обровъ* — урочище в Переяславском княжестве, но неясно, где именно.
- [44] *...до Лукамля и до Логожьска...* — Города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.
- [45] *...князи Асадука и Саука...* — Асадук — это, возможно, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке.
- [46] *...за Новымъ Городом...* — За Новгородом-Северским.
- [47] *...силны вои Белкатгина...* — Кто такой Белкатгин — неизвестно.
- [48] *...а семечи и полонѣ весь отяхом.* — Кто такие «семичи» — неизвестно (жители по реке Семи?).
- [49] *...на Ходоту...* — Ходота — князь вятичей. Более о нем ничего не известно.

- [50] *...ко Корьдну...* — Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его неясно.
- [51] *...по Изяславичихъ...* — По-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке — сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Васильке Ростиславиче Теробовльском).
- [52] *Микулинъ* — город в Галицкой области на р. Серете.
- [53] *Броды* — город на границе Руси с Польшей в Волынской земле. Здесь состоялось свидание Мономаха с Ярополком и заключен с ним мир.
- [54] *Хороль* — приток Псела.
- [55] *Горошинъ* — город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке на юго-запад от Хорола.
- [56] *Супой* — левый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра — Сула. Супой и Сула — пограничные с половецкой степью реки.
- [57] *Прилукъ* — город в Переяславском княжестве.
- [58] *...толко семцю яша одного живого...* — Что означает слово «семца» — неясно (может быть, младший член семьи, слуга).
- [59] *...к Бѣль Вежи...* — Здесь, очевидно, имеется в виду г. Белая Вежа на р. Остре.
- [60] *Святославль*. — Местоположение Святославля неясно.
- [61] *Гюргевь* — город Юрьев на р. Роси.
- [62] *Ростиславъ* — Ростислав Всеволодович, брат Мономаха.
- [63] *Варинъ* — Где находился Варин — неясно.
- [64] *Володимеръ* — Владимир-Волынский.
- [65] *...и Ярополкъ умре.* — Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г.
- [66] *...по отни смерти...* — Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.
- [67] *Халъпн* — село Халепье недалеко от Стутны.
- [68] *...у Глѣбовы чади...* — Интересно, что знатный половец носит русское имя; русские имена у половцев встречаются неоднократно.
- [69] *...на святого Бориса день...* — Память Бориса праздновалась 24 июля.
- [70] *Римовъ* — город на Суле.

- [71] *Голтавь* — город в Переяславском княжестве при впадении р. Голтавы в Псел.
- [72] *...Ворониць.* — Местоположение Вороницы неясно.
- [73] *...гонихом по Боняць, но ли оли... убиша...* — Место это испорчено в тексте и неясно.
- [74] *...Гюргева мати умре.* — Жена Мономаха. Она названа так по имени младшего сына Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда, разбитого в 1066 г. в сражении с норманнами Вильгельма Завоевателя при Гастингсе. Дочь Гаральда Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по-видимому, в 1074 или 1075 г.
- [75] *Кснятинъ* — город на правом берегу Сулы.
- [76] *Урусоба* — половецкий князь.
- [77] *...ходихом к Воиню...* — Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр.
- [78] *И к Выреви...* — Выра — селение на р. Выре.
- [79] *Ромен* — город на р. Суле.
- [80] *...на Ярославиця...* — Речь идет о походе на Ярослава Святополковича во Владимир-Волынский.
- [81] *А встх путей 80 и 3 великих...* — В своем «Поучении» Мономах перечислил не все восемьдесят три «великих» похода, а только шестьдесят девять. О том, сколько было меньших «путей» (походов), дает отчасти представление упоминание Мономаха о ста своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями.
- [82] *Таревський князь Азгулуй...* — Что такое «таревский» — неизвестно.
- [83] *...лютый зверь...* — Что такое этот «лютый зверь» — неясно.
- [84] *Бирич* — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.
- [85] *О многострастный...* — Этими словами открывается письмо Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу, написанное, по-видимому, в 1096 г. Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха — Изяслава в битве с Олегом за Муром. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения. Как сказано в «Повести временных лет», Олег «надеяся на правду свою»: Муром был его уделом, незаконно захваченным Изяславом Владимировичем, сидевшим в Курске. Олег же, победив Изяслава, в свою очередь овладел Ростовом и Суздалем, принадлежавшими другому сыну Мономаха — Мстиславу, и помышлял захватить Новгород.
- [86] *Молвить бо иже... ложь есть.* — Ср.: 1 Иоан. 4, 20.
- [87] *...«Аще не отпустите... ни вам отпустить Отець вашъ небесный».* — Ср.: Мф. 6, 15.

[88] ...«Не ревнуй лукавнующим... творящим безаконье». — Пс. 36, 1.

[89] «Что есть добро... жити братья вкупу!» — Ср.: Пс. 132, 1.

[90] ...дѣтя мое и твое... — По-видимому, Изяслав был, как и Мстислав, крестником Олега.

[91] ...«Азъ знаю, грѣх мой... воину». — Ср.: Пс. 50, 5.

[92] ...а сноху мою послати ко мнѣ... — Кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава — неизвестно.

[93] ...сынъ твой хрестъный с малым братомъ своимъ... — Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

[94] ...хлѣбъ ѣдучи дѣдень... — Феодальный термин, означающий: «сидеть в своем родовом уделе»; в данном случае этот последний — Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.

[95] ...а ты стѣдиши в своемъ... — В уделе Муромо-Рязанском.

[96] ...обличаюся. И прочее. — Далее в Лаврентьевской летописи следует молитвенный текст, который до недавнего времени ошибочно приписывался Мономаху.

13

Послание к великому князю Владимиру Мономаху

о посте и воздержании

Никифор, грек из Ликий Малоазийской, был прислан в Киев Константинопольским патриархом в 1104 г. Он занимал митрополичий престол вплоть до своей смерти в 1121 г. Никифор участвовал в канонизации преп. Феодосия Печерского в 1108 г., в перенесении мощей свв. Бориса и Глеба в каменную церковь, построенную в Вышгороде князем Олегом Святославичем в 1115 году. Наиболее тесные, видимо, даже дружеские отношения сложились у Никифора с князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом. Митрополит был одним из главных инициаторов приглашения Владимира в Киев после восстания 1113 г. Именно он возглавил торжественную встречу нового князя. О близости Никифора к Мономаху говорят и два дошедших до нас послания князя. Первое из этих посланий — «како отвержены быта латине» — представляет собой сокращенный вариант известного нам «Стязания с латиной» митрополита Георгия. Как считают, оно появилось в 1120 г., когда князь Владимир выдавал свою дочь Евфимию за венгерского короля. Никифор написал еще одно послание против латинян — к Муромскому князю Ярославу Святославичу. Второе послание Владимиру, «о посте и воздержании чувств», первоначально написано, повидимому, на греческом языке и лишь потом переведено на русский. Время его написания не определено, но оно появилось, когда Никифор занимал митрополичью кафедру, а Владимир — киевский престол, то есть между 1113 — 1121 гг. Текст «Послания» печатается по изданию К. Ф. Калайдовича: Русские достопамятности. Ч. 1. М., 1815, С. 61 — 75, с некоторыми сокращениями. Перевод А. Ю. Карпова.

Благословен Бог и благословенно имя святое славы Его, благословенный и прославленный князь мой. По многой своей благодати и человеколюбию сподобил он нас достигнуть этих пречестных дней святого поста, которые он, как устроитель нашего спасения, узаконил для духовного очищения душ наших; и сам постился сорок дней для извещения своего вочеловечивания, не в посте нуждаясь, но нам пример показывая.

Если бы первый праотец Адам постился бы от древа познания и заповедь Владыки сохранил бы, то второй Адам, Христос Бог наш, не требовал бы поста. Но из-за преступления первого, не постившегося, постился он, чтобы преслушание разрушить. Возблагодарим же и поклонимся постившемуся Владыке, узаконившему для нас пост и снадобье для душевного здоровья даровавшему!

Оттого двойственно бытие наше: разумное и неразумное [«словесное и бессловесное»], и духовное [«бесплотное»] и телесное. Ведь разумное и духовное — это нечто божественное и чудное, подобное бесплотному естеству, а неразумное — подобно страстному и сластолюбивому. И поэтому борьбы в нас много, и противится плоть духу, а дух плоти. Поистине нуждаемся мы в пище растительной, постной: это ведь укрощает телесные страсти, обуздывает противные стремления, и духу дает власть над телом. И так покоряется худшее лучшему, то есть душе

тело. Так и то, что касается пупа и чресел наших: обуздай их, и змий умертвится. И в тишине пребывает душа, и в мире глубоком мир пожиная, мир, который в нас, который желаем, говоря: «Мир всем!»

А от первого этого блага и другие блага в нас происходят. Видишь ли, о князь мой благоверный и кроткий, что пост — основа добродетели, поэтому во всем мире, словно солнце, он воссиял. И из-за преступления праотца все народы пост совершают: одни в одно время, а другие в другое; эти больше постятся, эти меньше: силу же поста, как неразумные, не понимают, и поэтому впустую пост их и бесполезен. Люди же Христовы, святой язык, царское священство, жребий достояния его, понимают силу поста этого, и в правоверии живя, благословляют Бога, вразумившего их, и предвидевшего и приведшего Господа справа от себя, чтобы не сдвинулись они, то есть не смутились, и не были поглощены древним врагом, не хотящим нашего спасения. И много еще мог бы сказать я в восхваление поста, если бы кому-нибудь другому было писание это. Но поскольку к тебе слово это обращено, доблестная глава наша и всей земли христоролюбивой — к тебе, которого Бог издалеча проразумел и предопределил, которого из утробы освятил и помазал, смесив от царской и княжеской крови, которого благочестие воспитало и пост вскормил, и святая купель Христова с младых ногтей очистила,— то ни к чему о посте говорить тебе, а тем более о непитии вина или пива во время поста. Ведь кто не знает твоей праведности в этом? Всякий, если он не совсем невежа или бесчувственный, знает о ней. И видят все, и удивляются!

Вместо же поучения, по церковному уставу нечто другое изложим твоему благоверию, и о добрых тех источниках скажем тебе, от которых наполняется добро и проистекает в людей, по правде творящих благое, и проистекает таким же добром, а если противятся им и неправильно их используют, то в путь злобы, и в ров, и в пропасть уклоняются. Поэтому внимай себе, сказано в книгах: «Внимай слову своему и делу своему».

Неразлучно ведь зло от добра и перемешалось зло с добродетелью, как плевелы среди пшеницы. И поэтому следует нам быть внимательными, чтобы не принять зло за добродетель. Прекрасным ведь казался и на вид хорош был плод, который праотца умертвил, но в себе имел он тайную ловушку преслушания.

И вот усладим слово и исполним обещанное, и да покажем, откуда происходит доброе и недоброе.

Знай же, благородный князь, что божественным дуновением сотворена была душа, которая, сказано, по образу Божию была создана. Та душа — от трех частей, то есть три силы имеет: разум [«словесное»], и чувство [«яростное»], и волю [«желанное»].

Разум — старше и выше всех, им-то и отличаемся мы от всех животных, с его помощью познаем небо и прочие творения, и все из нас, кто правильно разум используют, к разумению Бога восходят. Посмотри на Авраама: был невежей муж этот и звездословия придерживался, и через движение и расположение звезд познал Творца и уверовал в Бога. А перед этим Енох угодил Богу и перенесся. И Моисей увидел созданное Богом и от этого в разум взял Создателя, и перестал называться сыном дочери фараоновой, и предпочел страдать с бывшими тогда людьми Божьими.

Такова сила разума для правильно использующих ее.

Но и Денница — прежний ангел, а ныне темный дьявол, — разумным был, но неправильно разум принял, а равным быть Богу возмечтал, и за гордость свою пал с небес с чином своим. И элины разумны, но, не сохранив разум, не по-доброму мысля, к идолослужению склонились, и верили в животных: в крокодилов, и в козлов, и в змей, и в огонь, и в воду, и в прочее.

Второе же — чувство, которое имеют, когда есть ревность к Богу и месть к Божьим врагам. Но рядом с ним — злоба и зависть, так же как и в разуме — благоверие и зловерие. И смотри, что случилось от злого: оставил Каин добродетель чувства, то есть ревность к Богу, а избрал злобу и зависть, и убил брата своего Авеля, и осужден был на семикратное отмщение от Бога. А Моисей гнев не так сохранил, но, увидя мужа-египтянина, избивающего еврея, убил его ради ревности Божьей. И снова, когда сам взошел на гору, к Богу, оставив людей внизу с Аароном, и помедлил он, склонились люди к идолослужению и стали голове тельца поклоняться, отлитой в печи огненной из золота и серебра. И сойдя с горы, разбил он, разгневавшись, скрижали закона, которые нес, и копьё сам взял ради ревности Божьей, и других с собой взял, и многое множество с ними избил — вот так Божий гнев проявился. А что сделал Финеес ради Божьей ревности? Тот, найдя жену-иноплеменницу, блудившую с мужем-израильтянином, обоих копьём пронзил и убил, остановив гибель народа, избиваемого мадианитами из-за беззакония, и зачлось ему это в заслугу. Сказано ведь: «Восстал Финеес и очистил, и прекратилась сеча». Так же и Илья, жрецов бесстыдных Бааловых зарезав из-за ревности Божьей, похвалы удостоился. Убивают же и разбойники, и язычники, но по злобе и ради имущества.

Третье же — воля, которая добродетельна, если всегда к Богу иметь желание, и забывать об ином, и об одном помышлять просвещении, от которого сияние бывает Божие, и раздирается вретнице, согласно пророку Давиду, сказавшему: «Обратил ты плач мой на радость мне, расторг вретнице мое, и препоясал меня веселием». Веселие же это рождается в злостраданиях за Бога; от веселия же этого растёт семя жизни, оттого чудотворения, оттого прорицания будущего бывают, от

того человек к Богу по силе приближается и становится и на земле этой образом и подобием создавшего его Бога.

Узнай же, князь человеколюбивый и кроткий, из слов этих, что трехчастна душа. Узнай же о слугах ее, и ее воеводах и напоминателях, которыми обслуживается она, будучи бесплотной, и получает напоминания.

Ведь та душа находится в голове, имея ум, как светлое око, в себе, и наполняет все тело силою своею. Так же как и ты, князь, сидя здесь, в этой своей земле, действуешь по всей земле через воевод и слуг своих, и сам ты господин и князь, так же и душа по всему телу действует через пять слуг своих, то есть через пять чувств: через глаза, слух, обоняние, то есть через ноздри, через вкус и через осязание, то есть руками.

Зрение же чувственное верно, и что мы видим, если не без ума, то видим верно. А слух — иной раз истина, а иной раз — ложь. Почему же, князь мой, слух не таков, как зрение? И сам недоумеваю об этом, но вот толкуют, что зрением видим мы только впереди, а сзади же тела не видим; посредством слуха и то, что впереди говорящего слышим, и то, что сзади, разумеем. Поэтому следует верить только видимому глазами; слуху же не надо ни верить, ни не верить, но надо подвергнуть испытанию и суду многому слышимое, и только тогда давать ответ. В отношении же обоняния, которое возбуждает благоухание, что следует говорить такому князю, который больше на земле спит, и дома избегает, и одежды светлые отвергает, и по лесам ходя, нищенскую носит одежду, и лишь по необходимости, в город входя, в княжеские ризы облачается?!

И в отношении вкуса, который в пище и питии проявляется, так же. Мы знаем, что для других ты обеды светлые готовишь, и для всех все делаешь, чтобы всех пригласить, и достойных, и недостойных, ради княжеского величества; а сам служишь и работаешь своими руками, и доходит подавание твое даже и до полатей — делаешь же это для княжения и власти. И другие объедаются и упиваются, а ты сидишь и смотришь, как другие едят и пьют, и обходясь малой пищей и малой водой, делаешь вид, что и ты с ними ешь и пьешь. Такты угождаешь подданным твоим и терпеливо сидишь и смотришь, как рабы твои упиваются, и этим поистине угождаешь им и покоряешь их. Так ты относишься к вкусу, насколько я знаю.

В отношении осязания (которое [проявляется через] руки), что касается имущества, знаю, что с тех пор, как ты родился и утвердился в тебе ум, с того возраста, когда мог ты благотворить, руки твои, по благодати Божьей, ко всем простираются; и никогда ты не прятал сокровищ, не считал золота или серебра, но все раздавал, черпая обеими руками, даже и до сих пор. Но сокровищница твоя, по Божьей благодати, неоскудима и неистоцима, раздаваема, но не исчерпаема; и

не исцелил Христос руку твою по возмужании твоём, но, как родился, так здоровую и имеешь, и будешь иметь, надеясь на Христа.

Почему же речь эту веду и говорю долго? Пойми же, князь, что болею за тебя; и, как врачеватели тела, если любят больного, то бодрствуют и первопричину недуга ищут, так же поступают и в отношении недуга разума. Так же и я поступил и первопричину искал, и по душевным жилам тебя испытав, нашел ее.

По жиле разума нашел, что благоверен ты по Божьей благодати и не уклоняешься от правой веры. В отношении чувства не пострадал ты, храня к Богу ревность и до настоящего дня, и, молю Бога, до конца хранить ее будешь в целости. Сохранишь же ты ее, если не дашь волку в стадо Христово войти, и если в виноградник, насаженный Богом, не дашь тернии всадить, но сохранишь предание старое отцов своих. (...)

В отношении же воли не сочтется за малое все, что совершил ты в зрелом своем возрасте. И пять чувств испытал: в отношении зрения нашел тебя безупречным, и в отношении второго, и в отношении третьего, то есть обоняния, так же и в отношении четвертого, то есть вкуса, и в отношении того, что [посредством] рук так же.

О втором же чувстве, о слухе, не знаю, князь мой, что и сказать тебе. Кажется мне, что, поскольку не можешь ты видеть все сам глазами своими, то от служащих тебе орудием и приносящих тебе напоминания иногда вред твоей душе приходит, и только через отверстый слух входит в тебя стрела. Потому Соломон говорит нам, повелевая: «Остерегайтесь, чтобы не вошла смерть через оконца ваши».

Подумай об этом, князь мой, помысли об изгнанных от тебя, об осужденных тобой в наказание, о презренных; вспомни обо всех, кто на кого донес что-нибудь и кто кого оклеветал, и, сам себе судья, рассуди таковых, и, наставляемый от Бога, всех помяни, и так сделай, и отпусти их, да и тебе отпустится, и воздай, да и тебе воздается.

Если же не воздадим мы, то, как Христос говорит, грехопадение будет людям, и Отец небесный не простит нам прегрешений наших. Но и всуе призываем мы Отца Бога и лжем, обращаясь к нему: прости нам долги наши так же, как мы простили должникам нашим. Не огорчись же, князь мой, из-за слов этих. Или думаешь, что приходил кто-нибудь ко мне, опечаленный, и потому написал я тебе это? Нет, это для благоверия твоего, попросту так написал я в напоминание тебе, поскольку великие владыки часто в великих напоминаниях нуждаются. Ибо многим пользуются они, но и многим грехам подвержены. И поэтому дерзнули мы, поскольку установление есть церковное и правило: в такое время и князьям говорить о том, что полезно. Понимаем ведь и то, что сами, как грешники, все в стружьях и в гное

истекающем, иных исцелять начинаем; но ведь не один же вред во всем этом! Пусть даже и таковы мы, но слово Божье, которое в нас, здорово и цело, оно-то и учит, и учимым следует поддаваться ему и принимать от него исцеление, и иного не требовать.(...)

И одно еще небольшое скажу в конце тебе, христолюбивый князь мой. Вспоминай третий псалом первого часа, то есть сотый и со вниманием пой: «Милость и суд пою тебе, Господи», и остальное. В нем верное изображение царское и икона княжеская. И если сказанное в нем ты будешь испытывать и сохранять, то приблизишься к Тому, который просветит еще больше разумные очи твои, и освятит слух твой, и очистит сердце, и направит стопы твои, и предохранит ноги твои от поползновения, и сподобит тебя достигнуть Господского праздника воскресенья в радости телесной, и в здравии, и в веселии душевном и духовном. И воссияет тебе свет, который сияет праведникам, и радость, супруга его, будет с тобой. И на много лет останешься неосужден и неповинен, потом и на вышнее царство вознесешься от земного, где истинная Пасха и истинный праздник.